

Марина Орлова

18+

Болотные
огоньки

Марина Орлова

Болотные огоньки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66334236

SelfPub; 2021

Аннотация

Сказ о том, как Маричка не хотела замуж за немилого, а затем узнала, что любовь можно обрести в самых неожиданных местах.
(мрачная сказка для взрослых с элементами эротики)

Марина Орлова

Болотные огоньки

Ведунья склонилась всем телом, неторопливо раскручивая большое светлое блюдо, полное яблок, и взгляды всех людей в комнате как заворожённые устремились вслед за ленивой круговертью плодов. Яблоки были разные: и крупные нежно-розовые, так и сочащиеся сладким ароматом, и мелкие зеленоватые дички, и лежалые, тронутые плесенью желтушки, и тёмно-коричневые, полностью гнилые, проминающиеся от любого движения.

Маричка, переминающаяся с ноги на ногу рядом с ведуньей, ещё раз провела неторопливым взором по лоснящемуся от душного воздуха комнаты лицу Серго, по тускло поблёскивающему в свете свечей золотому шитью его кафтана, по пальцам с пухлыми ямочками, цепко нависшими над кружащимися яблоками. Сейчас, когда парень закрыл глаза по обычаю гадания, можно было рассматривать его без опаски.

«Да он вроде и красивый...» – нехотя подумала Маричка. «Вон ведь Леля так по нему сохнет... И богатый... Радоваться надо, что он меня выбрал...». Но слова матери и тёток не помогли – ни раньше, когда они приговаривали их, кружась над будущей невестой с отрезами ткани, примеряя, что больше к лицу, ни сейчас, когда девушка повторяла их мысленно.

Взгляд Марички зацепился за ссохшееся, почти чёрное яблоко, подкатившееся к пальцам Серго, и в голове резко бухнуло: «Хоть бы гнилушку взял. Может, ещё откажутся. Его мать сильно верит в приметы...». Девушка украдкой глянула на полную женщину с сурово сведёнными бровями, сидящую среди других на длинной скамье вдоль стены. Та не только зрением, но и словно бы всем телом устремилась к происходящему в руках старухи-ведуньи. Казалось, что, если даже грохнет сейчас над домом, и начнёт рушиться крыша, – и тогда она не оторвётся от гадания.

Маричка покосилась на своих родителей. Отец сидел чинно, выпрямив спину, со спрятанной в углах губ улыбкой, успокоенный тем, что ведунья подтвердила чистоту и здоровье его дочери. Матушка тревожно перебирала пальцами углы расшитого платочка и, часто моргая, бегала глазами то на яблоки, то на Серго, то на иконы в углу комнаты.

Наконец ведунья проскрипела:

– Добрый молодец Серго, время выбирать невесту.

И сразу ладонь рухнула вниз, прижимая добычу к блюду. В комнате как ветер пролетел от множества вздохов. Не открывая глаз, парень уже заулыбался, чувствуя под пальцами приятно-твёрдую полноту.

Раздался довольный клёкот ведуньи:

– Ох ты ж, добрый молодец! Уж выбрал, так выбрал! Знать, твоя по праву невестушка-то! Дай-ка сюда, дай...

Серго радостно глянул на плод в своей руке – сплошь ро-

зовый, без единого изъяна – бросил торжествующий взгляд на родителей и подал яблоко старухе.

Та отрезала кусочек и вложила его парню в рот.

– Ну, попробуй. Как тебе невеста?

Неторопливо пережёвывая, Серго огладил хозяйским взором тело Марички и наконец с улыбкой произнёс:

– Сладкая.

И сразу все вскочили со скамеек. Матушка подбежала к Маричке, обняла её и, утирая выступившие слёзы, забормотала: «Счастливая ты, счастливая, дочка!..». Отец подступил к родителю Серго, чтобы окончательно обговорить детали завтрашней свадьбы.

Маричка снова покосилась на парня – он не отрывал от неё довольного прищура, с наслаждением похрустывая яблоком. До завтра ему не положено было прикасаться к ней, но смотреть уже можно было сколько угодно. Девушка скользнула взглядом на его губы – влажные от сока, перекатывающиеся в постоянном движении – и представила, как завтра ей придётся целовать их. Проглотив, Серго широко улыбнулся ей, показывая белые зубы, и откусил новый кусок. Маричку точно ударило образом – эти зубы вместо яблока впиваются в её тело, оставляя тёмно-красные следы на белой коже. Она торопливо отвела глаза.

Наконец радостный гомон начал стихать, и все засобирались. С облегчением девушка вышла из напаренного травяными настоями дома в свежую прохладу летней ночи. Роди-

тели Серго и Марички в последний раз обнялись и троекратно поцеловались, ещё раз подтверждая в присутствии ведущей свой свадебный уговор. Парень лихо запрыгнул в бричку и, пока никто не смотрит, послал Маричке воздушный поцелуй. Та неловко замялась, но всё же улыбнулась в ответ.

Дома девушка сказала уставшей и попросила разрешения пойти к себе. Напоследок матушка поцеловала её и радостно пробормотала:

– Завтра поднимемся рано-ранёшенько. Должна прийти тётка Марфа, да опосля на обмывание, да красоту ж нужно привести... А пока – спи, дочка, спи крепко. Завтра уж не поспишь...

Маричка послушно легла, однако сон не шёл. В голове кружились слова о том, что завтра ей будет не до сна. Они сливались с образом Серго: как он цепко ухватил яблоко, словно хотел выжать из него весь сок, как жевал, а в уголке рта поблёскивала капля, и казалось, что она вот-вот потечёт на подбородок, как оглядывал её масляными, наглыми глазами.

«Нет, не красивый он!» – не выдержала девушка. «Если нужно будет целовать его, так я умру. Но делать-то нечего, свадьба сговорена...».

А немного погодя стало и того хуже: вспомнила Маричка, как щупали её сухие старушечьи пальцы, больно мяли грудь и живот, уверенно оглаживали самые сокровенные места. Стоило представить, что завтра туда же полезет Серго –

и сделалось так тошно... Вот и крутилась девушка с боку на бок до тех пор, пока звёздный Соловей не заглянул в окно.

– Ох, соловушка, – прошептала она, – знаешь ты о любви. Расскажи мне, как это. Говорят, все поначалу боятся, а потом будто бы привыкают и любят мужей своих? Только не верится мне что-то...

Маричка помолчала, прислушиваясь. Где-то скрипнул пол. Наверняка матушка ещё молится. Или, может, в сотый раз приданное перебирает да разглаживает потемневшими от домашней работы ладонями.

– Ещё говорят, как бы знаки есть. Приметы всякие. Главное, вопрос правильно задать. Скажи мне, а, соловушка?

Она пристально уставилась на звёзды, только не заметила никакого ответа.

– И что мне делать-то? Замуж ведь надо. А больше и не за кого.

Перед мысленным взором девушки мелькнуло лицо Михея. Ох, красивый он, ох, ладный... На гуляниях как рубаху скинет, выйдет в круг – против любого, никого не боится, – так все девки столбом встают, только хихикают промеж собой, а глаз не отводят. Да ведь не зовёт её Михей – и не позовёт. Любит он свободу. Да и девок любит, чего уж там.

Маричка вздохнула.

– Нет, соловушка, не надо мне такого мужа. Будет только гулять да пить, а больше ничего. Серго хоть при деле, умеет много... Родители у него важные... – она снова вздохнула. –

Только не могу я... Лучше уж умереть...

В этот момент нижняя звезда Соловья сверкнула тёплым жёлтым светом. Девушка аж на локте приподнялась. Неужели знак?

– Что, соловушка? Разве думаешь, что лучше сгубить себя, чем за Серго идти?

На этот раз вспыхнуло ниже – в кронах дальних деревьев. Маричка вскочила с постели и высунулась в окно, вглядываясь в темноту. Жёлтый огонёк неторопливо возник прямо на тропинке возле их дома, два раза моргнул ярким светом и поплыл в сторону леса.

«Возможно ли, что и вправду знак? – подумалось девушке. – Или обман? Но ведь просила я ответа, а теперь боюсь принять его. Нужно хоть глянуть, что там. А как ночью идти в лес, одной?».

Но тут снова вспомнилось ей распаренное лицо Серго и белые зубы, вгрызающиеся в яблоко, и девушка решилась. «Да хоть к зверю ночному в лапы попаду – всё одно пропадать».

Она неуверенно посмотрела на свои комнатные туфли. В таких далеко не уйдёшь, особенно по лесной траве, но делать нечего – вся уличная обувь и одежда внизу. Там матушка услышит.

Маричка высунулась дальше: под окном – скос, а потом можно перебраться на толстую яблоневую ветку, усыпанную плодами. Подобрал подол белой рубахи, девушка вылезла в

окно и замерла, заметив, что жёлтый огонёк вновь оказался неподалёку. Под её взглядом он крутанулся как в танце, и Маричка улыбнулась неведомо чему. Было что-то хорошее в этом тёплом свете. Словно бы старый друг зашёл её навесить.

Почувствовав прилив сил, девушка перебралась на яблоню, по пути стряхнув несколько листьев и сухую веточку, и вскоре оказалась на земле.

Огонёк радостно подпрыгнул и припустил по тропинке, а Маричка побежала за ним – легко, не разбирая дороги, будто был белый день, а не густая звёздная темнота.

Наваждение спало в тот момент, когда её правая туфля неожиданно чавкнула холодной жижей. Девушка вздрогнула, остановилась и обвела взглядом сурово шумящие деревья. Со всех сторон её окружал лес. В левую туфлю также начало сочиться холодное. Маричка испуганно отступила. Под мягкой подошвой сочно лопнули ягоды и от их сока, а может, от осклизлого мха, девушка катнулась обратно, неловко взмахнула руками и плюхнулась на землю. Рубаха тут же начала напитываться водой.

Жёлтый свет впереди остановился и, подумав, повернул назад. Девушка с ужасом следила, как приближающийся огонёк озаряет торчащие тут и там кочки, покрытые тёмно-красными каплями, шелудивые стволы сосен и мутно-зелёный блеск воды. Болото! Да не окраина, а самая топь...

Чем ближе был огонёк, тем он казался больше. В один мо-

мент Маричке даже почудилось, что в глубине света она различает человеческое лицо. Вглядевшись внимательнее, она воскликнула:

– Кася!

Над ряской, время от времени вспухающей пузырями, висела сияющая фигура её подруги – в том самом сарафане, в котором пять лет тому назад пошла она по грибы, да так и не вернулась.

Кася добро улыбнулась.

– Здравствуй, Маричка.

Голос её звучал тихо и глухо, точно журчание спрятавшегося под поваленными деревьями ручья.

– Кася, ты что же... Ты здесь теперь?

Маричка не осмелилась выговорить вслух то, что крутилось на языке. Здесь, посреди ночного болота, даже последний смельчак подумал бы, прежде чем произнести подобные слова.

Девушка, сотканная из тёплого света, по-прежнему улыбалась.

– Мы все здесь. Пойдём со мной. У нас хорошо, – и она протянула лучистую ладонь.

Маричка, как зачарованная, подняла было руку, чтобы подать подруге, как вдруг заметила на своей ладони кровь. Испуганно вздрогнула, растопырила и брезгливо отвела пальцы, однако догадалась, что это — всего только сок ягод с кочки, на которую она оперлась. Подумав, девушка опустила ру-

ку обратно.

– Знаю я, что завтра у тебя свадьба. Так ведь не любишь ты Серго...

Маричка покачала головой. Где-то далеко ухнула птица.

– Видишь? Нельзя тебе возвращаться. Лучше оставайся со мной, с нами...

С трудом оторвав взгляд от лица Каси, девушка вдруг заметила, что лес вокруг наполнился сиянием. Тут и там между иссохших деревьев мелькали огни – бледно-голубые, нежно-серые, густо-зелёные. В затхлой воде лениво покачивалась россыпь искристых отражений. Похоже было, как на Купалу бродят по лесу с фонарями те, кто ищет цвет папоротника.

Девушка испуганно оглянулась – и за спиной конца болоту не было. «Как же я зашла сюда? И как теперь выйти?» – подумалось ей. А потом словно бы из глубины всплыла тягучая мысль: «А зачем выходить?».

Снова забормотал голос Каси:

– Неужто ты по своей воле пойдёшь за Серго? Сгубит он тебя, поломает. Не пожалеет красоту твою молодую – ни руки нежные, ни тело белое, ни косы медовые. А помнишь, как грезили мы с тобой о другой жизни, о дальних странах, о чудесах?

Маричка вздрогнула, обняла себя руками, пачкая рубаху тёмно-красным соком, и тихо проговорила:

– Да где ж взять-то её, другую жизнь?

– Останься с нами – узнаешь, сколько в мире красоты, и радости, и неги... Ты же о любви спрашивала... У людей ты не найдёшь такой любви, как наша...

Справа робко приблизился к ней оранжевый огонёк и на мгновение полыхнул жаром.

И почудилось девушке, что это тоже человек, да притом знакомый.

– Помнишь, как на майское гуляние мы венки плели и парням раздавали? И ты свой Петру дала?

И точно, чем больше Маричка всматривалась в оранжевый огонёк, тем больше вспоминала тот давний весенний день, когда Пётр – рослый парень с копной светлых волос – по-доброму рассмеялся подарку, а затем поцеловал её руку будто взрослой барышне. Через несколько лет уехал он в город, на заработки. Только вот, видать, не доехал. Может, решил дорогу через лес срезать или ещё что, теперь уже не узнать.

Огонёк спокойно подплыл к ногам девушки и разгорелся, засветился ярче. Маричка протянула руку и окунула пальцы в приветливое тепло. Оранжевый с готовностью нырнул под её ладонь, точно ластящийся пёс. Краем глаза девушка заметила, что и другие огни подступили, окружая её, однако страха это больше не вызывало.

Кася, мигнув, оборотилась обратно жёлтым огнём и подплыла ближе, погладила щёку Марички.

Тем временем оранжевый, пробежав всполохами по руке

девушки, переметнулся на ногу, замер на миг, словно в нерешительности, а потом живым теплом потёк выше по бедру – под рубаху. Маричка охнула и сжала ноги, только против охального огонька это не помогло. Слева подступил ярко-синий, обвил её руку, и показалось девушке, будто провело ей по коже ласковым языком.

Тем временем оранжевый добрался до самого верха и ярко вспыхнул между бёдер, наполняя Маричку непривычным томлением. Тут же позабыла девушка, что сидит на мокрой кочке посреди губельного болота, а могла думать лишь о пламени, мягко потёкшем по её телу.

Синий огонёк настойчиво потянул её левую руку вниз, к нему присоединился сиреневый справа, и, после минутного смущения, девушка откинулась назад, на подхватившее её упругое тепло. Откуда-то снизу вынырнул изумрудный, пощипывающим холодком скользнул по коже и повёл в сторону, разводя ноги шире. Оранжевый тут же прильнул к обнажившемуся телу, обвил Маричку ласковым огнём, приподнял бёдра с сырой земли. В вырез рубахи скользнул лиловый, терпко лизнул груди сотней искр. Девушка невольно выгнулась навстречу ласке, только прикусила губы, чтобы не застонать.

Теперь огоньки окутывали её тело сплошным переливающимся пламенем, где-то покусывая искристыми всполохами, где-то оглаживая властно, сладко – и в один момент позабыла Маричка о Серго, о яблочном гадании, о свадьбе, да и о

всей своей жизни. И тут же почудилось девушке, что оранжевый огонёк, полыхающий промеж её бёдер, потёк выше, загустел – и теперь она уже ясно видела лицо Петра, склонившееся над ней. Ярко-голубые глаза, веснушки, ямочка на подбородке – всё как и много лет назад. Он улыбнулся и крепко обнял её, и Маричка почувствовала, как изнутри заполняет её жаркая тяжесть, от которой всё тело потекло тягучим воском.

«Эх, всё одно пропала, так терять нечего...» – мелькнуло в голове. Девушка обвила шею Петра руками, прижалась к его губам – пылким, хмельным – и закрыла глаза, доверяя своё тело трепещущему свету. Голова Марички куда-то плыла, словно затянуло её в водоворот на старой балке и кружит, кружит...

Движение внутри стало сильнее, напористее, и девушка не выдержала: часто задышала приоткрытыми губами, вцепилась пальцами в жаркую спину Петра, подалась бедрами навстречу. Парень снова накрыл её поцелуем – жадно, страстно, – и в ушах прозвучал шепот как бы нескольких голосов, сливающихся в один:

– Останься с нами, Маричка, оставайся... Только скажи...

И девушка, чувствуя, как внутри неё вьется лозой и, наконец, раскрывается огненный цветок удовольствия, выдохнула:

– Да...

Не знала Маричка, сколько пролежала, убаюкиваемая

огоньками. Может, заснула она, и всё дальнейшее было лишь сном. Только казалось ей, что снова появился перед ней Петр, протянул руку, и, когда она взяла его широкую ладонь и поднялась на ноги, слева улыбнулась Кася, подхватила её радостно, закужила в танце, а потом настойчиво повлекла в сторону. Снова почувствовала девушка болотную жижу под ногами, пахло на неё стылой сыростью утреннего тумана, лениво колыхнулась перед глазами ряска, а рот наполнился вдруг затхлой железистой водой. И увидела Маричка совсем близко набухшие соком темно-красные ягоды – а больше ничего уже не было.

Проснулась она в вечерних сумерках, свежая и отдохнувшая. В голове сразу молнией мелькнуло: «Свадьба! Как же я свадьбу проспала!», девушка вскочила было на ноги, но тут же замерла, узнав весёлое лицо Каси. Сразу вспомнился вчерашний сон: и болото, и огоньки, и жаркие ласки. Покраснела Маричка пуще пунцовой розы.

– Здравствуй, друженька. Заспала ты совсем, Петро уж два раза тебя спрашивал. Или не по сердцу он тебе? – подружка лукаво прищурилась.

Девушка растерянно огляделась. Непонятно было вокруг. Вроде бы комната, только нечётко всё, как будто беспрерывно течёт и меняется. Краем глаза заметны какие-то смутные фигуры, а как прямо глянешь – нет никого. Посмотрела на себя – всё обычное. Только рубаха белая, без следов болотной грязи, и туфли чистые.

– Что же я теперь?.. Как же домой мне?..

Кася засмеялась задорно.

– Неужто к Серго торопишься? Родителей повидаешь ещё. Или, может, хочешь за Михеем пойти? – подруга озорно улыбнулась.

Девушка замотала головой:

– Нет, не хочу. Скажи мне лучше... А Пётр что... Давно ведь здесь? Есть у него кто?

Подруга понимающе улыбнулась и потянула Маричку за руку.

– Пойдём, пойдём к нему. А то извелся уж весь...

Девушки нырнули под колышущийся тёмно-зелёный полог, а когда вышли с той стороны – в одно мгновение оказались возле них Пётр, словно бы ждал. Бухнула кровь девичья густым жаром, зарделась Маричка алым румянцем, а сама глаз от парня отвести не может, точно приворожило её.

– Ох, Петро, ты всё здесь... – Кася кокетливо вздохнула. – А я веду Маричку окрест поглядеть да на источник, что возле Кривой балки, – спинку попарить. Так, может, ты бы её проводил, а то всё одно тут без дела слоняешься...

Парень только молча кивнул и протянул Маричке ладонь, а девушка прильнула к нему доверчиво, да так они и пошли.

Кася же, проводив взглядом удаляющуюся пару, усмехнулась и пробормотала себе под нос:

– Всё-таки будет Серго моим...